

Глава 18. Противостояние (Часть II)

В неказистом крестьянском дворике сушилась рисовая солома, в которой, тихо кудахча, копошились куры. Чжу Ли сидел под навесом, пригревшись на солнце. Из кухни волнами доносились дразнящие запахи еды. Его морило, но уснуть от голода и усталости никак не получалось.

Вскоре восхитительный аромат оказался совсем близко. Чжу Ли приоткрыл глаза. Тетушка Чэн уже уложила еду в короб и теперь, склонившись над ним, добродушно улыбалась:

— Проснулся? А я как раз думала, будить тебя или нет.

Тетушка Чэн была женщиной средних лет — дородной, круглолицей, с сияющим лицом, гладким, словно начищенное медное зеркало.

— Я еще отвар из маша приготовила, — добавила она. — В такую жару самое то, чтобы остудиться. Погоди немного, скоро поспеет.

Чжу Ли с улыбкой поблагодарил ее.

Тетушка Чэн присела на скамью рядышком, явно настроенная потолковать.

— Давненько ты не заглядывал. Всё в делах?

Чжу Ли негромко усмехнулся:

— Да, забот хватает.

Тетушка Чэн тоже улыбнулась, окинув его ласковым взглядом:

— Похудел-то как, да и загорел знатно. Но оно и к лучшему. А то раньше ходил такой беленький, чистенький — прямо так и подмывало обидеть!

Чжу Ли невольно коснулся щеки.

"Неужели я и правда выглядел так, будто меня легко обидеть?"

Когда отвар был готов, тетушка Чэн перелила его в кувшин и протянула Чжу Ли.

— Тут провизии уйма, небось и на вечер хватит? Ну и лентяй же ты! Поужинал бы лучше

свежим, куда полезнее.

Чжу Ли на миг замялся, прежде чем ответить:

— Вечером я тоже приду. Приготовьте, пожалуйста, пшенной каши да паровых лепешек.

Тетушка Чэн удивленно охнула:

— Да неужто ты один всё это уплетешь?

— Со мной еще... один... — Чжу Ли подыскивал верное слово, пока наконец не определился с тем, кем ему приходится У Сан: — Один приятель. Нас двое, так что приготовьте побольше.

Кем же они все-таки были друг другу? Друзьями? Едва ли. Но если не считать того, что У Сан отравил Лин Ци, а Чжу Ли в ответ съездил ему по физиономии, требуя противоядие, никакой кровной вражды между ними не водилось.

Дорога от дома тетушки Чэн до его собственного двора растянулась всего на пару ли, но Чжу Ли по пути то и дело порывался открыть короб, чтобы перехватить хоть кусочек. Он так давно нормально не ел, что от одного запаха слюнки текли рекой.

У Сан наверняка страдал еще сильнее. Тетушка Чэн готовила отменно — от этих ароматов можно было язык проглотить.

Когда Чжу Ли вошел во двор, там царила прежняя тишина. Протопанная им среди бурьяна узкая тропинка казалась нетронутой, однако сорняки по краям подозрительно примялись, а на сочную зелень упало несколько оборванных красных лепестков.

Чжу Ли удивленно поднял брови.

— У Сан! — громко позвал он.

Никто не отозвался. Окрестности безмолвствовали, не давая даже эха.

Голод делал его раздражительным. Нахмурившись, Чжу Ли подошел к левому флигелю и пинком распахнул дверь. Солнечный свет хлынул внутрь, озарив пустое помещение. На деревянной кровати никого не было. Лишь у стола валялась опрокинутая табуретка.

Сбежал! И это после того, как Чжу Ли, видя его изнеможение, прекратил допрос и дал передохнуть? Пока сам, преодолевая усталость и голод, плелся по солнцепеку, чтобы раздобыть еды на двоих?

Действительно, они с У Саном никогда не шли одной дорогой.

Чжу Ли остался бесстрастным. Он поднял табурет, аккуратно поставил на стол короб с кувшином и, положив ладонь на рукоять меча, несколько раз медленно выдвинул клинок из ножен и загнал его обратно.

Наконец, со щелчком загнав оружие в ножны, он вышел на улицу. Солнце палило нещадно, бурьян уныло топорщился под зноем — полуденное безмолвие навевало тоску не меньшую, чем весенняя хандра.

— У Сан! — Чжу Ли глубоко вдохнул и выкрикнул имя беглеца так, что голос покатился далеко по округе.

Спустя долгое мгновение послышался лишь робкий треск одинокого сверчка, но и тот вскоре затих.

— У Сан! — повторил он, однако ответом ему по-прежнему служила тишина. Теперь прикусил язык даже сверчок.

Чжу Ли сжал кулаки. В его голосе зазвучала глухая угроза:

— Смотри не пожалей, У Сан.

Ни звука.

По расчетам Чжу Ли, действие снотворного снадобья едва успело закончиться. При такой конской дозе У Сан должен испытывать жуткую слабость и ломоту. Этот парень всегда отличался предельной осторожностью — недаром преследователи годами не могли настичь его. То, что сейчас он в спешке опрокинул табурет и даже не удосужился его поднять, говорило лишь об одном: побег давался ему с колоссальным трудом.

Да и оборванные цветы в траве служили верным доказательством. Будь У Сан в полной силе, он бы проскользнул мимо, не задев ни единого стебелька.

Окрестные дороги петляли и ветвились — чужаку ничего не стоило заблудиться. В таком плачевном состоянии выбираться за пределы деревни, где могли рыскать представители Хуских племен или дружки Трех Чудовищ Западного озера, было чистым самоубийством.

И все же он предпочел рискнуть жизнью, лишь бы сбежать.

Чжу Ли помрачнел. Рассчитав максимальное расстояние, которое беглец мог преодолеть за это время, он прочесал окрестности по широкой дуге — пусто. Сузил круг поиска, проверил всё

еще раз — снова ничего. Он холодно усмехнулся. Стоя на меже посреди поля, он оглядел подступы к своей усадьбе и направился напрямик к зарослям дикого рододендрона, плотным кольцом обступавшим забор.

Кусты рододендронов были невысокими, едва доходили до пояса. Чжу Ли взобрался на крышу дома и присмотрелся. В алом море цветов он приметил несколько сломанных веток позади правого флигеля.

Слегка оттолкнувшись, он легко, точно птица, слетел с крыши. Стоило ему приземлиться у примятого кустарника, как в пяти шагах впереди дрогнули пышные бутоны. Ветра не было и в помине, так что сомнений не оставалось.

Молниеносным взмахом меча Чжу Ли срубил мешавшие обзору ветки, обнажив скрывавшийся в густой листве край темного подولا.

— У Сан! — позвал он, но тот упрямо продолжал таиться.

С лица Чжу Ли окончательно сошла всякая приветливость. Сделав несколько размашистых шагов, он раздвинул ветви и обнаружил беглеца. У Сан полулежал среди цветов. Лицо его осунулось и побелело как холст, лоб блестел от испарины, а при виде преследователя он едва заметно сжал кулак.

— Думал, я брошусь искать тебя на дорогах? — с усмешкой спросил Чжу Ли. Его голос веял леденящим зимним ветром.

У Сан прикрыл глаза, не проронив ни слова.

— Я ведь предупреждал, что ты пожалеешь. Слышал меня?

Вместо ответа У Сан просто отвернулся.

Чжу Ли резко схватил его за плечо и дернул на себя, повалив на землю.

— Ты недооценил крепость этого зелья. Я же говорил: оно и боевого коня с ног свалит!

У Сан попытался вырваться, но мышцы онемели и размякли, точно оставленная на солнцепеке патока. Он не сумел оказать и малейшего сопротивления, и Чжу Ли без труда выволок его из зарослей.

Под кустами земля была усыпана острыми камнями и сучьями. У Сан чувствовал, как они раздирают кожу сквозь одежду, но лишь крепче сжимал челюсти, упрямо сдерживая стон.

Чжу Ли бесцеремонно тащил его за собой через бурьян, не давая передышки, пока наконец не завел в чистый, залитый солнцем флигель и с силой не швырнул обратно на жесткие доски кровати.

От удара потревоженные раны отозвались вспышкой острой, невыносимой боли. У Сан против воли хрипло выдохнул. Не успел он даже перевернуться, как над ним уже вырос Чжу Ли. В его руке был зажат меч. Острые тяжелых ножен уткнулось прямо У Сану в переносицу.

— Ну что, убедился, что мои слова — не пустой звук?

Чжу Ли теперь казался почти безмятежным, злости в нем не угадывалось. Однако это спокойствие дышало ледяным равнодушием. Он не выглядел свирепым палачом, но У Сан интуитивно понимал: этот человек не шутит. Беглец молча смотрел на него снизу вверх, не зная, что ответить.

Снотворное почти выветрилось из крови, вернув телу подвижность, но руки и ноги оставались ватными, словно перебитыми. Уползая, он даже не смог устоять на ногах — рухнул коленями на пол и весь этот путь преодолел практически ползком.

К тому же раны горели огнем. По мере того как ослабевало действие дурмана, боль наваливалась с новой силой, вышибая холодную испарину. Вспомнив недавние угрозы Чжу Ли устроить ему допрос с пристрастием, У Сан почувствовал, как внутри все сжимается от дурного предчувствия. Он трезво оценивал свои силы — терпеть еще и пытки он был просто не в состоянии.

Чжу Ли не дал ему опомниться — ножны со свистом опустились на его плечо. Из-за скованности движений У Сан не успел уклониться. Дерево с силой ткнулось прямо в рваную рану.

Пронзительная боль заставила его судорожно дернуться назад и вжаться в стену. По лбу покатались крупные капли пота, тело заколотило в ознобе.

Чжу Ли оставался холодно безразличным. Он произнес ровным, размеренным голосом:

— Сначала — противоядие.

Опять это чертово противоядие! У Сан вскинул залитое потом лицо и с яростью уставился на мучителя. Сколько можно повторять, что это был не яд? Откуда ему взять то, чего не существует в природе?

— Спина, — бесстрастно выговорил Чжу Ли.

Не успел У Сан сообразить, что к чему, как тяжелый конец ножен врезался в поврежденное

плечо сзади. На этот раз он твердо решил не показывать слабости. До крови прикусив губу, он не издал ни звука, лишь изо всех сил ударил кулаком по доскам. На его висках вздулись синие жилы, а капли холодного пота глухо застучали по дереву.

— Противоядие для Лин Ци.

У Сан хрипло и часто задышал. Он зажмурился, не поднимая головы.

— Правое плечо, — озвучил новую цель Чжу Ли.

Рана на правом плече фантомно заныла еще до удара. Чжу Ли действовал слишком стремительно, увернуться было невозможно. У Сан даже не попытался защититься. Когда дерево вновь безжалостно впилося во плоть, он лишь вздрогнул всем телом, задушив рвущийся из горла крик.

Кровать стояла вплотную к стене — отступить было некуда.

— Правая рука, — ровно продолжал Чжу Ли.

У Сан глухо застонал. Рука, которой он упирался в постель, подкосилась, и он повалился навзничь.

— Правое предплечье.

Если так пойдет дальше, он не сдержит слез. У Сан крепко зажмурился, пытаясь сжаться в комок.

— Левый бок.

— Левый бок.

— Левый бок.

Три удара пришлось в одно и то же место. Темная ткань его одеяния на ребрах быстро пропиталась кровью, расплывшейся широким багровым пятном.

— Левый... — На этот раз Чжу Ли осекся.

У Сан дрожал всем телом, точно сухой лист под осенним ветром. Лицо его приобрело мертвенно-серый оттенок, ручьями катился холодный пот. Свернувшись калачиком на жестких досках, он из последних сил сжимал челюсти, больше не издавая ни звука. Было очевидно, что

он на грани обморока.

Пальцы Чжу Ли, сжимавшие рукоять меча, едва заметно дрогнули.

От невыносимой муки тело У Сана онемело, боль пульсировала даже в висках. Он уже не мог сдерживать судорожную дрожь, но рассудок парадоксальным образом оставался ясным. Кое-как приподняв голову, он посмотрел на Чжу Ли и прерывисто выдохнул:

— Противоядие?... Нет его!

На его губах промелькнуло подобие слабой, затравленной усмешки, после чего он бессильно уронил голову на постель и затих.

Наверное, сейчас опять ударит по ребрам. Изнуряющая боль лишила его способности соображать, где прилетит следующий удар и когда все это наконец прекратится.

Эта вымученная улыбка совсем не походила на ту, что Чжу Ли видел в своих снах, и на ту, с которой У Сан предупреждал его под стенами Сюйчжоу.

Она была... такой, что рука больше не поднималась нанести удар.

Чжу Ли убрал оружие.

— У Сан, ты давно покинул Терем Упоения Радостью, и Лин Ци больше не представляет для тебя угрозы. Ты ведь не хладнокровный убийца, готовый губить невинных. Почему бы тебе просто не отдать противоядие и не сохранить ему жизнь?

Он говорил все так же ровно и мягко, и лицо его по-прежнему оставалось серьезным, но сама интонация неуловимо изменилась.

У Сан лежал неподвижно. Он лишь слабо и презрительно усмехнулся.

— Ты столько времени копал под меня, столько преследовал... и до сих пор не понял, что чужие жизни для меня ничего не стоят?

Упрямство этого человека вызвало у Чжу Ли глухое раздражение. Не проронив больше ни слова, он резко развернулся и вышел, сердито взмахнув рукавами.

Он остановился под навесом. Полдень миновал, но солнце слепило нещадно. Чжу Ли долго стоял неподвижно, дожидаясь, пока утихнет гнев в груди. Когда злость уступила место свинцовой усталости и голоду, он понял, что едва держится на ногах, и вернулся во флигель.

У Сан лежал на кровати пластом, почти не дыша. Чжу Ли молча открыл короб, достал миски с едой и налил из кувшина теплого отвара. Взглянув на затихшего пленника, он тихо спросил:

— Подняться сможешь? Иди есть.

— Смогу, — сипло отозвался тот.

Спускаясь с кровати, У Сан покачнулся и едва не упал. Когда он взял палочки, пальцы заметно дрожали — сказывались пережитые муки.

Чжу Ли положил ему в миску немного овощей. У Сан удивленно вскинул глаза, но хозяин дома проигнорировал этот взгляд.

В семье Чжу свято чтили правило молчать за едой, к тому же оба были зверски голодны. Чжу Ли ел сосредоточенно, не поднимая головы. У Сан голодал еще дольше, а перед стряпней тетушки Чэн устоять было невозможно. Он поглощал пищу молча, но невероятно быстро. Четыре сытных блюда опустели в мгновение ока.

Чжу Ли пододвинул к нему чашку с прохладным отваром из маша.

— Выпей, жар как рукой снимет.

После полудня, полного злости и боли, обоим требовалось остыть.

У Сан покосился на него, сделал глоток и после короткого колебания негромко произнес:

— Я скормил ему болюсы из боярышника. Это не яд.

Чжу Ли, погруженный в свои мысли, не сразу уловил смысл сказанного:

— Что?

У Сан уткнулся в свою чашку и больше ничего не добавил.

— Почему же ты... — Чжу Ли вовремя прикусил язык, не закончив фразу «не сказал раньше».

Он вдруг отчетливо вспомнил, что У Сан уже не раз твердил ему: яда не было, и противоядия не существует. Тот говорил чистую правду, просто Чжу Ли из-за предвзятости даже не пытался его услышать.

Кто бы мог подумать, что этот наемник будет изъясняться столь... двусмысленно, что в его искренность верилось с трудом.

Впрочем, У Сан был слишком несловоохотлив, чтобы утруждать себя ложью. К тому же за всё это время из Терема Упоения Радостью не приходило никаких известий о внезапной кончине Лин Ци.

Чжу Ли поднял взгляд. Сейчас в этом израненном, истощенном человеке не было ни капли того изящества и благородного лоска, которые приписывали ему слухи. Осунувшийся, в перепачканных кровью лохмотьях — на него больно было смотреть.

Чжу Ли молча уставился на остатки остывающего отвара. Помолчав, он негромко спросил:

— У меня есть чистая одежда. Сменишь?

У Сан, не поднимая головы, лаконично ответил:

— Давай.

<http://bllate.org/book/20387/2162132>